

Н. М. Садовский в роли Люима Торцова в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок».

М. П. Садовский в роли Подхалюзина в пьесе «Свои люди сочтемся».

О. О. Садовская в роли Кабанихи в пьесе «Гроза».

Н. М. Садовский (визу) в роли Глаймова в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты».

простуживался, а его жене Агафье Ивановне не на что было купить дров, чтобы истопить печь.

В 1869 году автор «Грозы» и «Горячего сердца» обращается к Некрасову с просьбой похоронить за него: «Просто скажите: пора сделать что-нибудь для Островского, он написал целый русский театр в 30 пьес и доставил сборов дирекции более миллиона. Будьте отец и благодетель. Мне теперь жутко приходится с детьми, а ведь я честно трудился для театра 20 лет и служил ему всей душой».

В 1883 году в письме к своему другу, актеру Бурдину, Островский спрашивает, что слышно о вознаграждении за его пьесы:

«От этого вопроса зависит благосостояние моего семейства и, может быть, моя жизнь (писано за три года до смерти.—И. Ю.). До твоего ответа мне спать уж не придется; я и так сплю не более двух часов в сутки.—Вот до чего довели меня за мои 36-летние труды для русского театра».

Каждый раз, уезжая летом в свою усадьбу Щельково, он мечтал хоть о месяце отдыха. Не выходило! Он жаловался, что переезжает не из города на дачу, а из одного кабинета—в Москве—в другой кабинет—в Щелькове,—только и всего. Так он и умер, сидя за письменным столом, за которым были написаны «Лес», «Волки и овцы», «Снегурочка», «Бесприданница» и многие другие.

Поражает при этих обстоятельствах взыскательность, ответственность за каждое слово, которое он, так сказать, пробовал на вкус и наощупь, прежде чем решиться занести его на бумагу. Известно, что он предпочитал слушать, чем смотреть свои пьесы. Он стоял за кулисами Малого театра и, вслушиваясь в слова, доносившиеся со сцены, судил и об актере и о себе. Он как никто знал тайны живой русской речи, бесконечное богатство языковых красок.

Он не раз переделывал свои комедии, и хотя нужда, стояв-

шая за его спиной, толкала его: «Торопись, торопись!»,—он упрямо не шел дальше, пока не добивался совершенства. Монолог Подхалюзина в «Своих людях» имеет четыре варианта, а наградой за этот труд была надпись жандармского генерала на титульном листе рукописи: «Запрещаю». Подобная же участь постигла «Воспитанницу», «Бедную невесту» и другие пьесы.

Критики, которые склонны видеть в творчестве Островского только «исконную красоту русского духа», недоумевают по поводу запрещения его пьес и все объясняют «тупостью царской цензуры». Нет, это не была тупость, это была защита интересов правящего класса.

Достаточно послушать следующий диалог, вызванный запрещением «Воспитанницы».

— Пьеса г-на Островского с таким вредным направлением, что не может быть допущена на сцену,—сказал жандармский генерал Потапов.

— В чем же это вредное на-

правление, ваше превосходительство?—спросил актер Бурдин.

— В насмешках и издевательствах над дворянством. Дворянство... освобождает крестьян—и за это еще потешаются над ним!

— Но, ваше превосходительство, тут не задеты ни крестьянский вопрос, ни благородные чувства дворянства.

— Конечно, прямо ничего не говорится, но мы не так просто чтобы не понимать намеков и уметь читать между строк...

Русская революционная демократия решительно поддерживала передовое направление творчества Островского. Драматург ищет сближения с писателями революционно-демократического лагеря. Он чувствует, что их поддержка и влияние на него важны ему как художнику. Писателями становятся Салтыков-Щедрин и Некрасов.

Некрасов печатает Островского в боевых органах революционных демократов: в «Современнике» и «Отечественных записках».

75 лет назад

Семьдесят пять лет назад, весной 1873 года, в Московском Большом театре в бенефис В. И. Живокини состоялось первое представление весенней сказки А. Н. Островского «Снегурочка», музыку к которой написал П. И. Чайковский. Живокини исполнял роль боярина Бермяты.

Островский, находившийся в Щелькове, не присутствовал на спектакле. Один из друзей писал ему: «Еще победа! запел бы я... если бы голос мой мог быть услышан... По окончании пьесы несколько раз вызывали Федотову и Кадмину и требовали автора. Театр был совершенно полон, не было ни одного пустого места...»

«Снегурочка» прочно вошла в золотой фонд русской драматургии.

В 1881 году Римский-Корсаков написал на сюжет сказки Островского одноименную оперу.

26 сентября 1900 года в знаменитой драматической постановке «Снегурочки» Островского в Художественном театре в роли царя Берендея дебютировал В. И. Качалов.

Ныне «Снегурочка» готовится к постановке в Государственном театре имени Евг. Вахтангова.

На снимках: участники первого представления «Снегурочки» Г. Н. Федотова—Снегурочка (слева) и Е. П. Кадмина—Лель (справа).

Значение Некрасова для Островского видно из следующих слов. «Дорогой мой Николай Алексеевич, зачем вы пугаете людей, любящих вас! Как вам умирать? С кем же тогда мне идти в литературу?» — так пишет Островский, узнав о болезни Некрасова.

Островский переходит от любования красками быта, от добродушного нейтралитета к изображению язв жизни, которые он обнаружил. Однако нельзя видеть в осуждении им «темного царства» Тит Титычей только критику купца, к чему склонны свети всего Островского, — купца, который, дескать, должен быть просвещенным и культурным, и тогда, стало быть, он будет и хорошим.

Тит Титыч, которого Островский осуждал за невежество и дикость, стал культурным и европеизированным буржуа в лице Кнурова, Возжеватога и Фрола Федулча Прибыткова. Тит Титычи не заглядывали дальше Замоскворечья. Кнуровы и Прибытковы ездят в Париж и слышат пение Патти.

Но разве Островский по сему поводу принимает их в свои приключения и считает свои претензии к ним исчерпанными? Нет, Титычи хоть и не без колебаний, но все же относятся к виновникам драмы Тугиной и прямо донимает Кнурова и Возжеватога смерти Ларисы Огудаловой. Но вот поворот, эта эволюция не могла произойти без влияния автора «Железной дороги» и тому на Руси жить хорошо.

В 1856 году Островский совершает путешествие по Волге. Широким волжским просторам, овеятым мятежными песнями русского народа, породили у Островского образ Катерины. Точком света в темном царстве назвал ее Добролюбов.

Либеральная критика, последователи которой не перевелись до сих пор, толковала Добролюбова духе буржуазного просветительства и культурничества. Дети, мрак невежества будет ран светом знания.

Однако кто хочет понять истинное происхождение Катерины, пусть увидит ее на фоне годежских помещичьих усадеб и крестьянских бунтов. Год написал «Грозы» — 1859-й — канун крестьянской реформы. Добролюбов выражался довольно ясно. Он сказал: «...русская жизнь и всякая сила вызваны художником в «Грозе» на решительное дело». Какое же «дело» имел в виду Добролюбов? Дело революционного переустройства русской жизни. Так понял Катерину критик, для которого она была одним из символов освободительного движения.

Драматургия Островского проложила себе путь на сцену. Она была театры обеих столиц. Первый спектакль «Не в свои селенки» состоялся 14 января 1853 года в Малом театре. С тех пор Малый театр стал домом Островского.

Пьесы великого драматурга воспитывали поколения актеров. Они прославили русский театр. Они внедряли в жизнь культуру русской речи. Целые актеры династии служили и служат Малому театру Островского.

Его имя, которое здесь можно было бы упомянуть, — имя великого драматурга Прова Са-

Сцена из пьесы Островского «Невольницы». Марфа — О. О. Садовская, старый лакей — Н. Н. Музыль.

довского. После исполнения Садовским роли Любима Торцова не было зрителя, который не хотел бы видеть и слышать великого актера.

Дело Прова продолжили его сын Михаил и жена последнего Ольга Осиповна, их сын Прох Михайлович. Наряду с Садовскими появились имена, составившие знаменитую плеяду исполнителей Островского, вплоть до ныне здравствующих и творящих А. А. Яблочкиной, В. Н.

Рыжовой, Е. Д. Турчаниновой, Н. К. Яковлева.

Мастера советской эпохи продолжают традиции дома Островского, у входа в который — величественная фигура его хозяина, принимающего все возрастающий, шумный поток гостей. Современники Островского поразились бы этому зрелищу. Многие из них утверждали, что Островский будет забыт вместе с жизнью, которую он описал. Да и сам Островский, скромность которого нам известна, смутился бы, если бы знал, что ему поставят памятник при входе в театр.

Мы можем ответить Островскому, что никогда популярность его не была так велика, как сейчас, когда двери театров открыты для всего народа. Миллионы и миллионы смотрят и слушают его пьесы. Нет вечера, когда бы одновременно во многих городах не гремели бы аплодисменты на спектаклях Островского.

Советский театр видит в нем не только знатока быта и нравов и не только изобразителя типов и характеров. Для советского театра Островский — великий социальный художник и великий сердцевед. С этих позиций наши режиссеры и актеры рассматривают, казалось бы, игранного и переигранного Островского, и выясняется тогда, что мир великого драматурга далеко еще не изучен, что каждый спектакль приносит нечто новое и что нас ждут еще большие и неожиданные открытия...

Любимая роща Островского близ Щелькова.

Фото Г. Капустянского

А. А. Яблочкина в роли Софьи в комедии Грибоедова «Горе от ума».

Две встречи

В 1886 году А. Н. Островского пригласили в Малый театр завести репертуарную часть и школу. Мечтая о еще большей славе своего любимого театра и о достойном пополнении его блистательной труппы, он устроил весной того же года пробный смотр молодых актеров. В этот день на сцену взошла совсем юная ученица Федотовой — Санечка Яблочкина, как все тогда ее называли. Замирающим голодом начала она монолог Катерины из второго акта «Грозы»...

Монолог Катерины, исполненный горечи роковой страсти, был не по плечу лирически-мечтательному, робкому подростку. Великий творец «Грозы», сидевший в зале, конечно, не узнал в Яблочкиной своей Катерины. Но вот Санечка снова появилась на сцене уже в образе грибоедовской Софьи, и тут она в своей стихии! Своенравная, тонкая, властная, насмешливая, удивительно красивая. В этой роли юная артистка очень понравилась драматургу.

А. А. Яблочкина так вспоминает об этом:

— Софья, видимо, ему понравилась. Сужу по тому, что Островский решил взять меня в свой класс, с тем, чтобы через год выпустить в Малый театр и, если найдется приличная роль, дать мне ее сыграть.

Великий драматург жив в памяти Яблочкиной...

— Островский остался на всю жизнь моим любимым драматургом, — говорит с искренним волнением замечательная русская артистка. — С юных лет до старости вся моя сценическая жизнь связана с его творчеством. За 62 года работы в театре я исполнила 23 роли в 16 пьесах Островского. Это автор народный, родной, наиболее близкий Малому театру. В творчестве его так ярко выступает общественно-психологическая драма, прошлая русская жизнь, так прекрасно звучит наш изумительный по красоте и богатству речи язык и чисто русский юмор!

А. А. Яблочкина вспоминает еще и о том, как 12-летней девочкой она слушала замечательное чтение самого Островского на литературном утре в закрытом учебном заведении, где она тогда воспитывалась. Преподавателем литературы там был известный поэт и переводчик П. И. Вейнберг, благодаря стараниям которого на скромных ученических литературных утренниках читали свои произведения Островский, Гончаров, Полонский, Майков...

Сейчас А. А. Яблочкина сохранила в своем репертуаре две роли в пьесах Островского: роль Мурзавецкой в «Волках и овцах» и Турусиной — «На всякого мудреца довольно простоты».